

III. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ КАК ПРИГЛАШЕНИЕ К САМОРЕФЛЕКСИИ

Нина Барковская
Уроки Ефима Эткинда 40 лет спустя

Хорошо известно кризисное состояние российской гуманитаристики: жесткое администрирование, неуклонное сокращение рабочих мест и финансирования. Не менее известны «режим разобщения»¹ в российском культурном пространстве и состояние «всеобщей адаптации как тактики слабых»². По мнению Кирилла Кобрин, никакие устойчивые горизонтальные связи (профессиональные, поколенческие, гендерные и проч.) сейчас невозможны. Среди факторов, приведших к такому атомизированному состоянию социума, он называет, помимо прочего, переход к рыночной экономике: «Роковую роль сыграли неолиберальный курс и сопровождавшая его риторика девяностых по поводу „невидимой руки рынка“, каковая рука якобы все расставляет по нужным местам и разрешает все трудности. „Невидимая рука рынка“ может иногда (далеко не всегда) сработать в таком обществе, которое традиционно привыкло осознавать свои интересы, готово их защищать и реализовывать, в обществе, где есть группы, объединенные представлениями об идентичности и внутренней солидарности, — но только не в тотально атомизированном социуме. В последнем неолиберальные представления приводят

© Нина Барковская. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Дубин, Борис. Режим разобщения: Культура и политика в России последних лет // Он же. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. Москва: НЛО, 2010, с. 266-281.

² Дубин, Борис. Всеобщая адаптация как тактика слабых // Он же. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. Москва: РОССПЭН, 2011, с. 253-263.

к триумфу самого циничного эгоизма»³. Немало написано о методологическом кризисе в литературоведении, о фрустрированности гуманитарной интеллигенции. Такая ситуация не в первый раз складывается в отечественной культуре, поэтому полезно обратиться к некоторым прошлым урокам.

Пример гражданского и научного поведения в катастрофической для академической науки ситуации дает судьба и деятельность Ефима Григорьевича Эткинда (1918—1999). Его книга «Разговор о стихах» (тираж 100 тыс., 1970 г.) была в 1975 г. изъята из публичных библиотек, но сохранилась у многих в домашней библиотеке. Переиздана книга была в 2001 г. в СПб издательством «Знание» в составе книги «Проза о стихах» тиражом 3 тыс. экз.⁴.

Ефим Эткинд, анализируя перипетии своей судьбы, много размышлял о российской интеллигенции; эти размышления до сих пор актуальны. В 1995 г. социологи Лев Гудков и Борис Дубин писали о феномене российской интеллигенции, кардинально отличающейся от западного интеллектуала⁵. Они указывали три основные функции интеллектуалов в современном обществе: «систематическая инновация; критика и отбор наиболее важного и ценного; хранение и ретрансляция всего того, что составляет интеллектуальный ресурс общества. Все вместе образует единую динамическую систему воспроизводства культуры, передачи идей, образцов поведения, оценок, стандартов вкуса и прочего от группы более специализированной — к менее, но численно большей или статусно ниже стоящей, равно как и от поколения к поколению». Желаемым образцом им виделся западный интеллектуал, «культивирующий в себе особую чувствительность к внутренним — моральным, логическим, доктринальным — коллизиям и ценностным противоречиям. Его отличает болезненная, даже невро-

³ Кобрин, Кирилл. Остров Робинзона. // Colta: Школа гражданской журналистики [Сайт]: Общество; 31 марта 2015; б. паг: <http://www.colta.ru/articles/society/6818>.

⁴ Эткинд, Ефим. Проза о стихах. СПб.: Знание, 2001.

⁵ Гудков Лев, Дубин Борис. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. Москва: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. Эл. версия: http://bookz.ru/authors/boris-dubin/intellig_474/1-intellig_474.html.

гическая неспособность принять „готовые ответы“, общепринятые точки зрения или интерпретации...». «Оказываясь в трудноразрешимой ситуации, когда выбор, кажется, невозможен — во всяком случае, исходя из традиционных представлений, — интеллект не впадает в догматический шок, протрацию (политическую, моральную, религиозную или какой-то иной природы), за которой может последовать лишь истерическая агрессия или умственная редукция к упрощенным схемам и концепциям. Он включает не просто технику саморефлексии, методической критики и самоанализа, но историю форм иронического существования, навыки систематической релятивизации любых категорических суждений — неперемutable условие антидогматической профилактики. Благодаря этому интеллект <...> в состоянии подвергнуть рефлексии свой интеллектуальный ресурс и пересмотреть исходные ценностные основания». «Этика убеждений» (преданности тому или иному учению, школе, традиции) сменяется «этикой личной ответственности», что является принципиально важным моментом защиты против «потенциальной угрозы окостенения и авторитарной склеротизации общественной мысли, общественного мнения». Лев Гудков и Борис Дубин напоминали, что именно университеты, соединяющие исследовательскую деятельность и обучение, являются «аккумуляторами интеллектуальных ресурсов». Прошло ровно 20 лет со времени написания книги Гудкова и Дубина, но наши университеты, увы, так и не перешли к модернизированной системе обучения; даже те, что попали в заветный список топ-вузов, не говоря о прочих, для которых есть только одна перспектива — «оптимизация через слияние», попросту — упразднение. Жесткое администрирование и усиливающееся идеологическое давление, реальная возможность оказаться в списках «пятой колонны» и потерять работу психологически давят на исследователя, блокируют ту иронию и внутреннюю независимость, о которой так горячо писали наши социологи. Слово «интеллигент» вытеснено словом «бюджетник», от которого, по недавним (23 апреля 2015 г.) словам руководителей Минфина, очень мало практической отдачи. Необходима «опти-

мизация сети и численности работников государственных и муниципальных учреждений». Основная проблема Минфину видится в низкой производительности труда в бюджетной сфере: в России слишком много бюджетников, которые мало трудятся. Минфин предлагает распространить на всю страну практику слияния школ, детсадов и других образовательных учреждений по примеру Москвы, где за последние два года количество учебных заведений уменьшилось почти в 4 раза. В ведомстве указывают, что таким образом удастся сэкономить на бухгалтерии, работе юристов и кадровиков⁶. Образование получило статус «сферы услуг», чем более платными будут эти «услуги», тем эффективнее вуз. А поскольку уже уволены все неостепененные преподаватели и совместители, то фильтрация кадров не в последнюю очередь будет осуществляться по степени лояльности и готовности соответствовать все более жестким образовательным стандартам.

Наиболее полно Эткинд воссоздал историю своей жизни и картину гуманитаристики позднесоветского периода в книге «Записки незаговорщика. Барселонская проза». Это автобиографическое повествование, широко включающее в себя подлинные документы, фамилии, факты, даты, что придает ему статус документального. Интерес к литературе нон-фикшн, к документалистике сейчас очень большой. Ирина Каспэ пишет, что «документ — не просто способ передачи информации, но способ выстраивания социального „я“, социальных связей, социальной общности, социальной реальности»⁷. Какое «социальное я» встает со страниц книги Эткинда?

Прежде всего, его характеризуют абсолютная честность, принципиальность, гражданская смелость. В 1974 г. ученого лишили должности и звания профессора ЛГПИ им. А. И. Герцена, лишили и степени доктора наук. (В 1994 г. в звании восстановили, ученую степень вернули, книги легализовали).

⁶ Минфин сэкономит на бюджетниках: школам, детсадам, больницам грозит сокращение штата и укрупнение. 23.04.15. РИА «Новый День»: <http://newdaynews.ru/society/531515.html>.

⁷ Каспэ, Ирина. От редактора // Статус документа: Окончательная бу-мажка или отчужденное свидетельство? / Сб. статей. М.: НЛО, 2013, с. 8.

Поводом послужила всего лишь фраза в предисловии к двухтомнику «Мастера русского перевода»: «Лишенные возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве, русские поэты — особенно между XVII и XX съездами — разговаривали с читателем языком Гете, Шекспира, Орбелиани, Гюго». Казалось бы, явное несоответствие «преступления» и тяжести «наказания»? На самом деле, как пишет Нина Гучинская в предисловии к «Запискам незаговорщика», дело Эткинда не было случайным и единичным, оно завершило целый ряд мероприятий — борьбу с «космополитами», дело врачей, осуждение Пастернака, суд над Бродским, изгнание Солженицына⁸. Эткинду инкриминировали хранение «Архипелага ГУЛАГ» и связь с Александром Солженицыным, контакты с деятелями «самиздата», вспомнили и его выступление в поддержку Иосифа Бродского, письмо к молодым евреям с призывом не покидать страну. Пережив массу душевных мучений во время своей «гражданской казни», лишенный возможности преподавать и печатать свои книги, Эткинд эмигрировал во Францию в 1974 г. Всё это доказывает всеисилье государства, в том числе — в академической среде, хотя бы даже после XX съезда КПСС и «оттепельных» лет.

В «Записках незаговорщика» Эткинд не просто документально точно воспроизводит события травли и изгнания, называя конкретные имена достаточно известных литературоведов и писателей, произносящих подобные слова: «У Эткинда нет классовости, нет слов „Родина“, „патриотизм“, нет идеологической оценки поэзии» (в «Разговоре о стихах»), «он пишет, что внушал „уважение к подлинным ценностям культуры“, но не пишет, что старался воспитать коммунистическую убежденность», «надо оценивать не количество научных трудов, а политическую и гражданскую зрелость человека» и т. д., и т. п. Но Эткинд также задается нравственными вопросами, которые не утратили актуальности. Так, он пишет о жесткой иерархической системе, как в издательствах, так и в Союзе советских писателей и вузах. Каждый «начальник», с которым

⁸ Гучинская, Нина. Неустаревшие записки // Эткинд, Е. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб.: Академический проект, 2001, с. 9.

приходится сталкиваться преподавателю, одновременно соединяет в себе униженность и деспотизм, холоуиство и хамство⁹, автор называет это «феодално-психологическим комплексом». Редактор издательства, рецензенты, директор — все они зависят от цензуры. Эткинд пишет, что редакторы боятся новой рукописи, как солдат неразорвавшейся бомбы, гораздо спокойнее второе издание уже апробированной книги¹⁰. Мнение, прихоть, произвол любого чиновника или собрата по перу, которому попала рукопись на рецензию или цензуру, одного человека из двенадцати инстанций, через которые проходит рукопись, определяют судьбу книги. Но Эткинд пишет и о еще более пагубном психологическом явлении — автоцензуре, вот эта тринадцатая инстанция самая строгая и тяжелая. Ее причина — «леденящий душу, парализующий язык и мысли, привычный и неодолимый, постыдный и грозный СТРАХ»¹¹. Отсутствие выбора — самая тяжелая форма несвободы.

Подробно разбирая технологию подготовки и сценарий «проработочных» кампаний (каким образом оказалось возможным подчинить своей воле уважаемых академиков, профессоров, деканов и завкафедрями), автор заостряет проблему компромиссов, их допустимых границ, соотношения пользы и вреда. Призыв Солженицына «жить не по лжи» кажется Эткинду слишком прямолинейным. Как быть школьному учителю, рядовому литератору, журналисту? Открыто заявлять свое особое мнение — и тогда тебя выгонят с работы, а твое место займет карьерист, который принесет гораздо больше вреда культуре? Или все-таки найти разумный компромисс?¹². С другой стороны, готовность к компромиссам поощряет демагогию и приспособленчество, укрепляет, в конце концов, самое безнравственное общество. Так, может быть, лучше добровольно принести себя в жертву, не совершив сделку с совестью? Вопрос остается без ответа, хотя видно, что Эткинд не

⁹ Эткинд, Записки незаговорщика..., 2001, с. 21.

¹⁰ Там же, с. 197.

¹¹ Там же, с. 50.

¹² Там же, с. 153-159.

разделяет романтическую концепцию жертвы, бросающейся грудью на пулеметы. Ему ближе просветительская, культурная деятельность, которую, вопреки планам, предписаниям и установкам, ведут учителя, писатели и преподаватели. Он пишет: «И университеты, несчастные, столько раз разгромленные университеты все снова возрождаются, и они воспитывают новых людей...»¹³. Я училась как раз в 1972-1977 гг.: мы читали и Эткинда, и «Анализ поэтического текста» Юрия Лотмана (1972), и «О лирике» Лидии Гинзбург (1974), в это же время крепла структурно-семиотическая школа в Тарту, в Калининграде филологи занимались теорией жанра, в Ижевске Борис Корман развивал концепцию субъектной организации лирики, были изданы труды Михаила Бахтина.

Казалось бы, жизненный опыт самого Эткинда дает ответ: достоинство личности, ее академическая независимость гарантированы высоким уровнем профессионализма. Кто, как он, мог вести спецкурс по французской стилистике? Будучи изгнан из ЛГПУ, Эткинд стал преподавать в Сорбонне, выиграв таким образом «борьбу за существование». Вспоминает он и Виктора Левина, лингвиста, ставшего профессором Иерусалимского Университета. Сегодня можно назвать многих, кто занимается русской литературой вне России, и это всё крупные ученые, яркие, сильные профессионалы. Но, во-первых, далеко не все «рядовые филологи», как их называет Эткинд, такие высокие профессионалы. Во-вторых, сам же Эткинд приводит и другие примеры: умер в тюрьме под следствием 48-летний Григорий Гуковский, много лет провел в ссылке Михаил Бахтин, отошел от своих же открытий Владимир Пропп; в 1950 г. Виктора Жирмунского за «косполитизм» изгнали из университета, где он заведовал более 30 лет кафедрой западноевропейских литератур. Дважды судили Илью Сермана (первый приговор оказался слишком мягким, дали уже не 10, а 25 лет лагерей в 1949 г.). Много лет провел в лагере Юлиан Оксман, а вернувшись, печатался только под псевдонимом. Эткинд приводит и другие примеры, поражаясь чудовищному расточительству интеллектуальной энергии. Заметим, что

¹³ Там же, с. 155.

почти все эти люди не только были евреями, но так или иначе рассматривали русскую литературу в мировом, в европейском контекстах, что и позволило обвинить их в низкопоклонстве перед Западом, «космополитизме» и проч. грехах. Владислав Кривонос пишет: «Так создается в прозе Эткинда автобиографический образ русского еврея, не тяготящегося собственной ассимилированностью и искренне чувствующего себя своим в русской культуре. Тем понятнее его разочарование и обида, когда он вдруг открывал для себя, что далеко не все, с кем он сталкивался в жизни и кто входил даже в близкий к нему круг, видели в нем своего. <...> В мемуарной прозе Эткинда антисемитизм осмысливается и как форма массового психоза, нагнетавшегося официальной пропагандой, запугивавшей население происками „космополитов“ и кознями „врачей-убийц“, и как способ самоактуализации режима, эволюционировавшего в сторону идеологии „крови и почвы“»¹⁴.

В «Барселонской прозе» есть очерк «Российская интеллигенция: два поколения», рисующий портреты двух переводчиков: «рыцарь» Александр Смирнов и «конквистадор» Юрий Корнеев, причем оба — блестящие профессионалы. В чем разница? Смирнов, у которого Эткинд учился в 30-х гг., был «образцовым русским интеллигентом», т.е. человеком, по определению автора, «способным (и даже склонным) к бескорыстной духовной деятельности»¹⁵. Корнеев, представитель следующего поколения, уже советской формации, остался, как пишет Эткинд, загадкой для него. Он продолжил деятельность Смирнова, но в корне отличался от учителя: «Тем, что работал в спецшколе КГБ — и не стеснялся этого; тем, что делал свою литературную карьеру, двигаясь, как танк; тем, что мог с успехом быть партийным секретарем Ленинградского отделения Союза писателей; наконец, тем, что мог почти одновременно переводить и библейские поэмы Альфреда де Виньи, и воровские стихи Франсуа Вийона. Там, где у Смирнова была це-

¹⁴ Кривонос, Владислав. Глазами «другого» (заметки о прозе Е. Г. Эткинда) // *Poznańskie Studia Slawistyczne*, 6, 2014, p. 157-168: <https://repozytorium.amu.edu.pl/jspui/bitstream/10593/11551/1/Krivos.pdf>.

¹⁵ Эткинд, Записки незаговорщика..., 2001, с. 326.

лостность мировой культуры, у Корнеева была целостность блестяще одаренной личности, которая с нескрываемым цинизмом презирует всех и все вокруг»¹⁶.

Вот тут, кажется, и высказано главное: спасти от политической конъюнктуры и приспособленчества позволяет знание (или хотя бы понимание необходимости такого знания) «целостности мировой культуры» и специфики литературы как искусства слова, т.е. собственно профессиональные знания филолога, достаточно четко указывающие ему собственное, далеко не главное, место в истории науки о литературе. И в «Разговоре о стихах», и в «Материи стиха» Эткинда взаимодействуют методы лингвистики и литературоведения, эстетики и стиховедения; синхроническое описание структуры конкретного текста соединено с пониманием исторической изменчивости самой «материи стиха». Он отчетливо демонстрирует специфику поэзии (характеризуя изменчивость границы между поэзией и прозой), в которой «материя» играет первостепенную роль, но анализ у него всегда завершается емкой интерпретацией (и в аспекте авторского стиля, и в сутобо теоретическом аспекте). Недостатком «чистого» стиховедения Эткинду кажется как раз сосредоточенность на количественном анализе ритмических определителей, без учета их функционирования в целостной системе стихотворения и смысловой нагрузки. Блестящий пример — анализ стихотворения Александра Блока «Равенна» («Ритм, пространство и время в литературе и искусстве»): строгий подсчет формальных элементов, установление оппозиций признаков по строфам (на уровне фонетики, лексики, синтаксиса), выстраивание наглядной схемы — и глубокая интерпретация, основанная на проделанном анализе, блоковского понимания вечного и временного в искусстве. Исследования Эткинда не потеряли своего значения и сегодня. Так, мы нередко характеризуем поэтические жанры по аналогии с жанрами эпическими: через хронотоп, субъектную организацию. Но Эткинд подчеркивает (и это заметил Дмитрий Лихачев в рецензии 1973 г. на рукопись «Материи стиха»), что конфликты в поэзии другие: между статикой метрической

¹⁶ Там же, с. 328.

или строфической решетки и динамикой живой речи, между бессодержательностью фоном в языке и осмысленностью, семантизацией их в системе художественной речи и проч., т. е. это те конфликты, которые порождают особую энергию поэтического текста.

Любые теоретические тезисы ученого всегда базируются на тщательном анализе мельчайших элементов произведения — при учете контекста разных уровней («лестницу контекстов» Эткинд специально оговаривает). Методология его близка лучшим работам Юрия Лотмана и стилю работ Ежи Фарыно. Сколько бы ни говорили о кризисе или преодолении структурализма, но сама разработанная им школа научного анализа отнюдь не устарела. В «Разговоре о стихах» представлен и мотивный анализ («Шесть разных поэтов и ландыш»), и когнитивный анализ («Метафора и художественный мир поэта»), и уместный историко-биографический комментарий (напр., к пушкинскому и ахматовскому стихотворениям в разделе «Принцип неопределенности»), и анализ фоносемантики («Звуковые метафоры»), и собственно стиховедческий анализ ритма, рифмы и строфики, но — с интерпретацией их семантических функций!

И главное — книги Эткинда интересно читать. Это сознательная педагогическая установка автора. Первая его книга была адресована молодежи — «Искусство быть читателем. (Поэзия)» (1964). И «Разговор о стихах» (1970) увидел свет в издательстве «Детская литература». Его трудам присуща доминанта юности: свежести, первооткрытия, увлекательности. Сам автор говорит, что его цель была — «приобщить к поэзии молодых, рассказав о ней доступно, не пользуясь учеными словами. В наше время о литературе пишут все сложнее, терминология становится все специальной, я же издавна уверен, что даже о проблемах тонких и трудных можно рассказать прозрачно»¹⁷. Это именно разговор, беседа, а не менторское внушение, не премудрость для избранных. Это тоже урок — читать и слушать студенты будут то, что им интересно, что живо, что впечатляет, а не то, что заставляют заучить.

¹⁷ Эткинд, Записки незаговорщика..., 2001, с. 195.

Эткинд — педагог и ученый — понимал значение научной школы, преемственности. Если «Разговор о стихах» он посвятил «Светлой памяти Ф. А. Вигдоровой» (которая вела запись суда над Бродским и сумела потом эту запись обнародовать), то «Материю стиха» Эткинд предварил трогательной и мужественной фразой: «Светлой памяти своих учителей Григория Александровича Гуковского и Виктора Максимовича Жирмунского смиренно посвящает эту книгу автор».

Эткинд вспоминает, какое впечатление кошмара произвело на него, недавно демобилизованного из армии, собрание в ЛГУ, осудившее Марка Азадовского. По поводу позднее изданной переписки Азадовского и Оксмана он пишет: «Два крупнейших ученых, завоевавших — оба — незабываемый авторитет в области истории русской литературы и общественных движений первой половины XIX столетия, к тому же еще каждый из них в специфических направлениях (М. К. Азадовский — в фольклористике, Ю. Г. Оксман — в изучении Пушкина и революционных движений), оба были остановлены на полном ходу, отовсюду изгнаны, лишены средств к существованию, всякой аудитории — слушателей, читателей... Но вот что поражает в их переписке: оба потеряли служебные посты, профессию, источники доходов, и оба сохранили в полной мере неутомимый, ничуть не ослабевший интерес к предмету своих изысканий, к интеллектуальной и общественной истории России, к литераторам-декабристам, к поэзии Пушкина и плеяды, окружавшей его. Партийно-государственный террор обрушился на них со свойственной ему бесчеловечностью, он мог их убить, а духовно принизить — не смог. Азадовский был человеком слабого здоровья, с больным сердцем. Как мог он выдержать хотя бы даже одно заседание на филологическом факультете ЛГУ (где он организовал кафедру фольклора и много лет ею руководил)? Это было 5 апреля 1949 года». Вменялось в вину Азадовскому то, что он «дошёл до геркулесовых столбов раболепия перед заграницей»¹⁸. В переписке двух осужденных филологов — не только заботы о здоровье и быте,

¹⁸ Эткинд, Ефим. Поздние уроки // Вопросы литературы, 1999, № 4, б. пар.: <http://magazines.russ.ru/voplit/1999/4/etkind.html>.

но и продолжение научного диалога, стремление сообщить о своих больших и малых открытиях, по-прежнему напряженная интеллектуальная жизнь. Эткинд комментирует: «Их переписка — это, как сказано, увлекательный эпистолярный роман, но это и школа научной нравственности — школа для каждого из нас: вот как надо дружить в науке, вот как надо быть выше не только бытовых неурядиц, но и террористической государственной политики, направленной против науки и ученых! Не это ли отличает подлинную интеллигенцию? Высокая духовная позиция, внутренняя необходимость подняться выше собственных бедствий, сохраняя бескорыстную преданность культуре, своим идеалам, своим учителям, ученикам, собратьям».

Суть уроков Эткинда: профессионализм, иммунитет к влиянию пропаганды и идеологическому внушению, открытость новому, верность своим принципам, желание и умение работать с молодежью, передавая ей опыт человека культурного, знающего, доброжелательного и порядочного. Социологи отмечают отсутствие в российском сегодняшнем обществе сколько-нибудь значительной солидарности, в том числе, солидарности профессиональной¹⁹. Необходимо вернуть общественный статус филологии, престиж профессии педагога, осмыслить отечественные традиции литературоведения и найти наиболее адекватные пути синтеза с западной научной мыслью. А главное — нужна солидарность, профессиональное чувство локтя, и не только в границах России, но и с зарубежными русистами, также оказавшимися в весьма непростой ситуации.

¹⁹ Голышко-Вольфсон, Дмитрий. Несвоевременные заметки о статусе литературного труда // Транслит: литературно-критический альманах, № 8, 2010, с. 28-35; с. 32.